

3.4. КРИТИКА АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РОМАНЕ ЗЫОНГ ТХУ ХЫОНГ «ТУМАННЫЙ РАЙ»

Филимонова Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ

Роман известной вьетнамской писательницы Зыонг Тху Хыонг (Dương Thu Hương, род. в 1947 г.)¹ «Туманный рай» (Những thiên đường mù), впервые увидевший свет в 1988 г., в полной мере является детищем политики обновления, провозглашенной КПВ в 1986 г., и, как следствие, детищем той либерализации внутриполитической и общественной жизни страны, которая позволила говорить в литературе о том, что ранее замалчивалось или подавалось в совершенно ином свете. В романе писательница одной из первых затронула такую важную и болезненную для вьетнамцев тему, как начатая в 1953 г. народно-демократической властью аграрная реформа, целью которой была конфискация земель у помещиков и распределение ее между крестьянами. По официальной версии эта цель была победно реализована уже в 1956 г. Однако писательница показала не успешный ход реформы, а иной взгляд на события тех лет с точки зрения ошибок, допущенных в ходе ее реализации. В романе критике подвергаются как те, кто аграрную реформу проводил, так и то, какими бесчеловечными, а на современный взгляд и абсурдными, методами это порой делалось. Последовавшее за ошибками признание некоторых «перегибов» и частичное их исправление не снижает критического пафоса романа, потому что искалеченные судьбы, жизненные трагедии, порожденные аграрной реформой, изменить уже было нельзя.

В центре романа история двух вьетнамских семей, связанных кровными узами, но оказавшихся по разные стороны той линии раздела, которая прошла по вьетнамской деревне (а значит и всего общества, поскольку Вьетнам до сих пор остается аграрной страной, где до восьмидесяти процентов населения живет в сельской местности и, так или иначе, занято в сельском хозяйстве) во время проведения аграрной реформы. Повествование ведется от лица главной героини, молоденькой девушки по имени Ханг, которая на момент начала романа работает в Советском Союзе на ткацкой фабрике. Как известно, в 80-е годы прошлого века экспорт трудовых ресурсов из Вьетнама, где царил безработица, в Советский Союз был обычным явлением.

Роман начинается с того, что Ханг получает телеграмму, в которой дядя Тинь, младший брат матери, находящийся в Москве, сообщает, что болен, и просит побыстрее к нему приехать. Ханг садится в поезд, и тут начинаются ее воспоминания, главными героями которых являются ее мать и отец, дядя Тинь с семьей и тетя Там, старшая сестра отца. Действие возвращается в родную деревню героини к 50-м годам, о событиях которых она знает только по рассказам.

В те времена, то есть еще в годы войны Сопrotивления против французских колонизаторов, мать Ханг по имени Куэ после смерти родителей осталась в деревне одна, добывая средства к существованию мелкой торговлей, тогда как ее младший брат Тинь сражался в рядах Народной армии. Тут-то она и встретила Тона, своего будущего мужа и отца героини, семья – старая мать и старшая сестра – которого жила по соседству. Сам Тон работал учителем в местной школе. По правилам, мать героини должна была три года носить траур, но молодые люди пренебрегли традициями и поженились до истечения этого срока, вызвав в деревне пересуды и даже предсказания, что супругам все равно не жить вместе. Молодые были очень счастливы, но через год и два месяца после их свадьбы закончилась война Сопrotивления, а еще через полгода в деревню вернулся Тинь. Как оказалось, его назначили командиром отряда по проведению земельной реформы, и он сразу же показал сестре, что не одобряет ее брак:

– *Впредь ты не должна встречаться, разговаривать или иметь какие-либо другие отношения с этим мерзавцем Тоном.*

– *Мерзавцем Тоном? Почему ты его так называешь?*

– *Потому что он эксплуататорский элемент.*

– *Эксплуататорский элемент?*

– *Да, его семья принадлежит к слою помещиков, а они враги крестьян. Ты, сестра, должна знать,*

¹ *Примечания:* Зыонг Тху Хыонг родилась в 1947 г. в провинции Тхайбинь. С 17 лет принимала активное участие в войне за объединение страны. В 1986 г. окончила ханойский Литературный институт имени Нгуен Зу. До курса на политику обновления придерживалась коммунистических взглядов. После публикации романа «Туманный рай» и некоторых публичных высказываний за Зыонг Тху Хыонг закрепились репутация писательницы-диссидентки. Роман вызвал критику и осуждение в стране, но был с одобрением встречен за границей, в частности, во вьетнамской диаспоре, и даже переведен на французский язык. В 1991 г. в США вышел ее «Роман без названия» (Tiểu thuyết vô đề), посвященный теме войны между Севером и Югом, в котором поднимался вопрос об обоснованности войны и оправданности принесенных во время нее жертв. За передачу рукописи романа за границу писательница семь месяцев провела в тюрьме. В 1994 г. правительство Франции наградило Зыонг Тху Хыонг орденом за заслуги в области литературы и искусства. С 2006 г. живет во Франции, где продолжает писать.

что меня назначили командиром отряда по проведению земельной реформы. Я участвовал в собрании, где обсуждались предварительные документы от уезда до общины и было определено, кто в деревне к какому слою относится. У семьи Тона есть земля, они используют наемный труд. В соответствии со спущенными указаниями, он должен быть подвергнут общественному суду.

– Общественному суду? Как это?

– Он должен будет публично покаяться за свои преступления перед деревенскими» (15).²

Когда Куэ попыталась ему возразить, мол, их семья никогда никому ничего плохого не сделала, Тинь строго ответил:

«Не смей сбивать других с толку. Ты должна занимать твердую классовую позицию. Наша задача – покончить с помещиками и деревенскими мироедами, чтобы вернуть землю крестьянам. Если ты меня не послушаешь, то и тебя выгонят из наших рядов да еще накажут по всей строгости революционного закона. <...> Это отряд по проведению земельной реформы тебе говорит, сама революция говорит. Послушай меня, сестра» (16). И далее в романе говорится: *«Этот разговор происходил в присутствии нескольких дальних родственников. Все они разошлись по домам с испуганными лицами и в полном молчании. Никто не понимал, почему бабушка Там, владелица небольшого участка ритуальной в 1, 8 мау³ земли⁴, стала им врагом, представительницей реакционного эксплуататорского класса. Этой землей занималась ее дочь. В сезон пахоты она нанимала пахарей. В сезон высадки рисовой рассады сама выходила в поле. В сезон уборки урожая разрывалась между работой и кормежкой наемных работников из деревень Донг и Шо. В деревне было много таких, как они, семей. Именно они были солью деревни. Они любили свой деревенский труд, как самих себя» (16).*

Суд, которому подвергались те, кого записали в эксплуататорские элементы, описывается в романе следующим образом:

«Матери моего отца и его сестре пришлось с опущенными головами и сложенными на груди руками встать на колени во дворе общинного дома. Вокруг них с зажженными факелами в руках сидели односельчане. Они молча слушали речь обвинителя и каждый раз, когда раздавался призыв: «Долой помещиков!», должны были, подняв кулаки к небу, громко кричать: «Долой, долой...». Чем громче они кричали, тем лучше – это говорило об их твердом революционном духе и ненависти к классу эксплуататоров.

А ведь среди них было немало таких же владеющих земельными наделами середняков, которые любили свою землю, были кровно к ней привязаны и, только благодаря трудолюбию и опыту, имели справный дом, буйвола и необходимое для жизни количество риса. Достаточно было лишь одного клеветнического доноса, чтобы они в одночасье превратились в обвиняемых. Как неизвестно, когда с ветки упадет спелый плод, так неизвестно, и когда на твою голову свалится беда, позор или смерть. Поэтому среди кричащих было немало таких, кто пытался скрыть свой страх, укрепить криками свой дух и одновременно найти опору в своей подлой трусости, трусости, которой человеку так трудно избежать в лихой час» (17–18).

Впоследствии мать рассказала Ханг, кто были главные обвинители на этом судилище. Один – деревенский бездельник без роду, без племени, пьяница и развратник, а другая – местная женщина, которая из-за страсти к болезненному обжорству и воровству потеряла мужа, дочь и дом. До начала кампании по проведению аграрной реформы их и за людей не считали. В романе говорится:

«Вдруг, после того, как его записали в батраки, в корневой элемент земельной реформы, Бить превратился в уважаемого человека. Вместо того чтобы веселить своими рассказками деревенских мужиков, он начал учить их классовой сознательности, решимости бороться с эксплуататорами-помещиками, повышать боевой дух. Вместо того чтобы развалиться на пороге дома и, протягивая руку, орать, прося на выпивку, сейчас он важно сидел на скамейке, смотрел в глаза обвиняемых и с пеной у рта поносил их, довольный собой» (19).

² Все цитаты из романа даются по изданию: Dương Thu Hương. Những thiên đường mù. Hà Nội, 1988 (Зыонг Тху Хыонг. Туманный рай. Ханой, 1988). В скобках после цитат указаны номера страниц.

³ Мау – единица измерения площади, равная 3600 кв. м.

⁴ «Ритуальная земля» (gũng hương hỏa) – земля, находящаяся в собственности культового сооружения (обычно – буддийского храма), которой распоряжалась община. Чаще всего это были частные земли, завещанные бездетными членами общины храмам на условиях их «вечного поминовения» по соответствующему ритуалу. Часть дохода от ее обработки шла на нужды храма и выполнение обязательных церемоний в честь лиц, эту землю подаривших. Выгода семьи общинника, которому этот надел передавали для обработки, состояла в том, что норма отчислений с нее была ниже, чем с обычных общинных земель, и она облагалась более низким поземельным налогом в пользу государства (иногда – вообще не облагалась). В свете вышесказанного получается, что семью отца героини подвергли репрессиям за землю, которая даже не была их собственностью. Выражаю большую благодарность д. ист. н. А.Л. Федорину за разъяснение сути понятия «ритуальная земля», а также за написание комментария к нему.

Драматизм судилища в оригинале усиливается за счет принятой во Вьетнаме, где общество традиционно очень иерархизировано, системы обращений, четко определяющей все от уважения до презрения в зависимости от возраста и общественного положения. Таким образом, эти два люмпена, ранее не заслуживавшие хоть сколько-нибудь уважительного обращения, даже на лексическом уровне возвеличивают себя и унижают приличных, достойных людей, а те, в свою очередь, вынуждены принижать себя и возвеличивать подонков.

После такого суда и без того больная мать Тона вообще слегла и вскоре умерла. Сам Тон по совету старшей сестры, которая знала, что брат позора не вынесет, еще до суда тайно бежал из деревни. А случилось это после того, как дядя Тинь организовал показательно-устрашающий визит в дом к нежелательному родственнику. Придя к нему, он сказал:

«Раньше ты и Куэ были мужем и женой. Но сейчас ты – классовый враг, и не имеешь права жить с моей сестрой. Если ты только приблизишься к ее дому, я прикажу партизанам схватить тебя.»

Как только он это сказал, с улицы донесся оглушительный, до головной боли, барабанный бой. А потом устрашающие крики:

– *Уничтожим помещицу До Тхи Там.*

Дядя Тинь посмотрел на отца:

– *Все понял?*

Отец ничего не ответил.

Дядя разозлился:

– *Начальник отряда тебя спрашивает. Будешь отвечать?*

Отец побледнел, на лбу его проступил пот, но он по-прежнему хранил молчание. Тогда вперед вышла тетя Там:

– *Позвольте сказать, начальник, теперь мы все знаем, и без Вашего приказа, подойти к Вашей сестре не осмелимся.*

Дядя Тинь был командиром отряда по проведению земельной реформы. Все равно, что самим Господом-Богом. Ответ тети Там очень ему польстил» (23–24).

Разлучив родителей героини, дядя стал постоянно вмешиваться в жизнь сестры. Так, он пытался запретить ей заниматься торговлей:

«Брось свое коромысло. Землю уже поделили. Скоро наша страна догонит Советский Союз, будут трактора, зерноуборочные комбайны, никто не будет в грязи возиться» (24).

Устроив слежку за сестрой, он запретил ей не только думать о муже, но и встречаться с сестрой мужа:

«Только потому, что три поколения в нашей семье занимались лекарствами и не имели ни пяди земли, меня назначили командиром отряда. Если ты будешь общаться с помещиками, кто-нибудь еще доложит наверх, и тогда прощай мой авторитет.»

Моя мать заплакала:

– *Как же мне тяжело!*

Дядя прикрикнул на нее:

– *Ты не можешь думать только о себе. Ты должна думать о правах своего класса. <...> Ты знаешь, что ты вредишь моему авторитету? Во всей округе только мой отряд проводит реформу так решительно. Не ровен час, из-за тебя все пойдет прахом. Послушай меня... Мы ведь с тобой брат и сестра, так сказать на веки вечные. <...> Или ты пойдешь в светлое будущее под руководством революции, или тебя изгонят из наших рядов и ты станешь врагом народа» (25–26).*

Дядя даже пригрозил сестре, что найдет ей нового спутника жизни, после чего она быстренько собралась и ушла из деревни искать мужа. А когда через полгода вернулась ни с чем, кампания по проведению земельной реформы закончилась и началась другая – по исправлению ошибок. Атмосфера в деревне изменилась, страх прошел, стали требовать наказания тем, кто допускал перегибы. Больше всех ненавидели Тиня. Но поскольку он где-то скрывался, вся ненависть пришлась на сестру. Однажды ее чуть не растерзала толпа, требовавшая кровной мести. И спасла ее от гибели Там, сестра мужа.

Как бы там ни было, жить в деревне мать героини больше не могла. Она заложила родной дом и

ушла в город, где продолжила зарабатывать на жизнь мелкой торговлей.

Тайно бежавший из деревни Тон, отец героини, отправился в уездный центр к своему старому другу, тоже школьному учителю, но оказалось, что и тот уже бежал от преследований, так как его семью заподозрили в пособничестве гоминдановцам⁵. О царивших повсеместно революционном произволе, подозрительности и страхе Зыонг Тху Хыонг пишет так:

«В то время большая лужайка, обычно использовавшаяся как местный ипподром, была превращена в место, где прямо под открытым небом проходили суды. Сюда для разбирательства и вынесения приговора из всех окрестных общин доставляли помещиков, представителей деревенской верхушки и прочих мироедов. Ночи напролет здесь горели факелы, дым от которых застилал все небо, и не прекращались барабанный бой, выкрикивание лозунгов и проклятий. Партизаны с винтовками, дула которых были направлены вперед, прочесывали окрестности, в любой момент готовые к атаке. Их глаза, как и их штыки, сверкали ненавистью, бдительно следя за прохожими. Тут и там висели написанные лозунги: «Не дадим помещикам скрываться». Все, кого партизаны к себе подзывали, не могли сдержать дрожь под их взглядами, полными животной злобы – злобы, не требующей причин и разумных объяснений. <...> В те времена появление любого незнакомца могло послужить поводом для обвинений в связях с помещиками, со скрывающимися гоминдановцами, в подозрении на контрреволюционную деятельность, ... и тому подобное» (55–56).

Поэтому семья друга не могла приютить Тона. Прodelав длинный и опасный путь, он остановился в далекой горной деревушке, населенной мыонгами, одним из малых народов северного Вьетнама. Там он начал учительствовать и даже стал зятем деревенского головы. У него родилось двое сыновей. Но на шестой год жизни среди мыонгов Тон случайно встретил земляка, который рассказал ему, что за эти годы произошло на его малой родине – про земельную реформу, про кампанию по исправлению ошибок, про коллективизацию и проч. Благодаря этой встрече, спустя 10 лет после вынужденной разлуки, он тайно разыскал в городе свою жену. Они по-прежнему любили друг друга, и у них родилась дочь. Но своего отца девочка так никогда и не увидела, потому что еще до ее рождения он погиб. Более того, девочку все считали незаконнорожденной. Мать же по понятным причинам относилась к дочери с особой любовью и, растя ее в одиночестве, делала для нее все, что могла.

Про историю семьи и своего отца героиня узнала, когда ей было почти 9 лет. Именно тогда ее мать впервые навестил дядя Тинь. Он сразу понял, чья Ханг дочь, и обвинил сестру в том, что у нее «нет позиции» – имеется в виду «классовой позиции». На дядю не подействовало даже то, что, по словам сестры, семью ее мужа во время кампании по исправлению ошибок перевели из богачей в середняки.

В то время дядя Тинь был кадровым пропагандистом в провинции Куангнинь. Мать устроила встречу дяди с соседями. Героиня по этому поводу говорит:

«Тогда в наших глазах быть пропагандистом значило заниматься чем-то высоким, эта работа не шла ни в какое сравнение с любой другой работой в обществе, ведь она несла людям идеологию, свет, то есть такие высокие ценности, которые ни за какие деньги не купишь. Поскольку дядя читал множество материалов о событиях в стране и за рубежом, он увлеченно об этом рассказывал. Соседи слушали его с замиранием сердца. Тут вам и борьба двух лагерей. И забастовки в капиталистических странах. И борьба профсоюзов в Англии. И революционные потоки в мире. Не забыл дядя упомянуть и про чернокожих лидеров, которые руководят национально-освободительной борьбой. И про борьбу индейцев, требующих права пользоваться плодами цивилизации, созданной империалистами...» (43).

Дяде очень не понравилось то, что его сестра, как и раньше, зарабатывает на жизнь торговлей:

«В нашем обществе достойное место могут занимать только представители двух классов. Во-первых, рабочие, руководящий отряд революции, во-вторых, трудовое крестьянство, вместе с рабочим классом идущее к социализму. Все остальное не в счет. Торговцы, крупные или мелкие, все равно эксплуататоры. Ты не можешь находиться среди них. <...> Послушай меня, рано или поздно Партия и Государство полностью перевоспитают нетрудовые элементы. <...> Часть класса буржуазии выросла из таких же мелких торговцев, как ты. Но наша страна будет переходить к социализму прямо, минуя этап капиталистического развития. Поэтому капиталисты – объект нашей революции. Наша задача – уничтожить ростки этого класса под самый корень. <...> Именно потому, что я забочусь о будущем Ханг, я прошу тебя пойти работать на завод. В новом обществе дети рабочих и крестьян пользуются всеми правами. В Советском Союзе выдающиеся писатели, гениальные музыканты, профессора и доктора наук – все вышли из рабочего класса. <...> Я занимаюсь пропагандистской работой, прививаю идеологию Партии разным слоям нашего общества. Я не могу иметь сестру-торговку» (45–47).

Но, как оказалось, проведение политпросветработы с сестрой и ее соседями не было главной целью дядиногo визита. Он ждал перевода в столицу, и ему для обустройства выделенного жилья нужны были

⁵ Национальная партия Вьетнама (Việt Nam Quốc dân đảng), первая крупная политическая партия в стране, была создана в 1927 г. по примеру партии Гоминдан в Китае. Являлась соперницей коммунистической партии в борьбе за влияние и власть перед и некоторое время после Августовской национально-освободительной революции 1945 г. Официально прекратила деятельность в стране в 1975 г.

деньги. Сославшись на занятость, а на самом деле боясь появляться в родной деревне, он попросил сестру продать их дом. И сестра согласилась. Там, в деревне героиня впервые увидела дом матери и дом отца, а также познакомилась со своей одинокой тетушкой Там, которая с первого взгляда признала в ней свою племянницу и полюбила всей душой.

При встрече тетушка рассказала жене брата о том, как ей удалось выжить. Новая власть выгнала ее из дома, и она была вынуждена поселиться в шалаше на краю деревни, а дом разделили пополам между двумя главными обвинителями на судилище. Ей выделили небольшой клочок самой плохой земли, и она начала борьбу за выживание. Во время кампании по исправлению ошибок, допущенных в ходе проведения земельной реформы, ей вернули родной дом, но он был полностью разорен и загажен прежними владельцами. Затем постепенно, будучи необыкновенно трудолюбивой и упорной, она стала приводить хозяйство в порядок и зарабатывать все больше и больше. По ее словам:

«Раньше я никогда так не хотела разбогатеть» (72).

Тетя справедливо считала дядю Тиня виновником смерти своего младшего брата и вообще виновником всех бед ее семьи, и поэтому ненавидела его, но мать героини, сама вроде бы натерпевшаяся от младшего брата, оправдывала его, считая, что он действовал по приказанию сверху. Так, Ханг пришлось разрываться между матерью, любящей своего младшего брата, и тетей, старшей сестрой отца, которая его ненавидела.

Тетя начала опекать племянницу и дарить ей подарки, среди которых были золотая цепочка и золотые сережки. Мать спрятала их и отказалась продавать даже тогда, когда у них протекла крыша, а на ремонт нужно было копить. Но впоследствии оказалось, что она все-таки тайком продала серьги. Случилось это тогда, когда дядя Тинь попал в больницу, и ему нужно было хорошо питаться. По этому случаю мать и дочь впервые побывали у дяди дома и познакомились с его женой, преподавательницей Высшей профсоюзной школы. Дядя как партийный работник жил в специальном городском районе, вход на территорию которого был по пропускам. Жена дяди встретила гостей очень холодно и, сославшись на занятость, не только не предложила гостям чаю, но и отказалась от разговора, демонстративно сев читать тринадцатый том Ленина. Дядя же объяснил поведение жены такими словами:

«Моя жена должна готовиться к завтрашним занятиям. Она – костяк Школы. Из рабочей семьи, 11 лет в Партии» (107).

После такого холодного приема Ханг сказала матери, что им не следует больше ходить к дяде, но мать преисполнилась жалости к семье брата, которая с двумя детьми жила на зарплату госслужащих и паек. И хотя ее жизнь с дочерью была совсем не легка, она решила во что бы то ни стало помогать родственникам, вместо того, чтобы, к примеру, залатать протекающую крышу. Как говорит героиня:

«У моей матери появился новый источник счастья. Ведь самопожертвование так привлекательно!» (116).

С этого времени мать стала работать больше и считать каждую заработанную копейку, фактически посадив себя и дочь на хлеб и воду. Ее экономия привела к тому, что дочь постоянно испытывала чувство голода. И вообще отношения между матерью и дочерью изменились:

«С тех пор, как тетя Там начала опекать меня, а мама нашла новый объект для опеки, наши отношения стали очень прохладными» (140).

Ханг ревновала мать к семье дяди, а мать ревновала дочь к тете Там.

Однако, с тех пор, как мать или Ханг стали приносить в семью дяди продукты и одежду, отношение к ним несколько изменилось, их стали принимать более радушно, но было ощущение, что дядя и его жена чего-то боятся. И героиня поняла, чего:

«Только сейчас я поняла, почему, когда я принесла гостинцы, глаза тетушки забегали по сторонам, как у воровки. Определенно, здесь было заведено подглядывать, следить друг за другом, и тот, у кого был кусочек повкуснее, становился объектом всеобщих подозрений» (123).

По этому поводу, когда мать однажды пожаловалась соседке, что жена брата стесняется идти с ней рядом, соседка сказала:

«А меня это ничуть не удивляет. Это же военный гарнизон... <...> Иначе говоря, люди там живут по законам военного гарнизона. В гарнизоне все должно одинаково быть, одинаково одеваться, одинаково жить. Любое отличие в одежде сразу бросается в глаза. Большие денег или лучшие ешь – уже повод для недоброжелательства. Я тебе вот что скажу. Купи-ка ты себе одежду, как у свояченицы. Гарантию даю, что она станет относиться к тебе совсем по-другому» (129).

Однажды, уже будучи студенткой, не в силах больше терпеть голод, Ханг попросила мать продать часть подаренных ей тетушкой золотых украшений. Но мать ей зло отказала:

«Я никогда не видела маму такой разъяренной. Никогда она не разговаривала со мной так грубо» (188).

То, что мать уже кое-что продала, выяснилось, когда их приехала навестить тетя. Она как-то узнала про это, и между двумя женщинами произошел серьезный разговор. Естественно, что тетя не могла простить дядю – этого «убийцу», этого «смертельного врага», и ее возмутило то, что мать тратит на него деньги, заработанные ее потом и кровью.

После этой истории отношения между матерью и дочерью совсем испортились. И однажды после очередной ссоры мать выгнала дочь из дома. Ханг пришлось переселиться в общежитие, где ее продолжила опекать тетя, так что, в принципе, Ханг была всем довольна. Но это относительное счастье длилось недолго. Неожиданно мать Ханг попала под машину и потеряла ногу. Героине пришлось бросить учебу и отправиться в Советский Союз на заработки. При этом дядя с женой проявили к их беде полное равнодушие. Они не только не навестили родственницу, но и не помогли ей материально, потому что копили деньги на телевизор. И вот, уже работая в каком-то неназванном российском городке, Ханг получила телеграмму о болезни дяди, после чего отправилась в Москву.

В то время дядя Тинь, несмотря на свои почти 60 лет, был слушателем в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Но когда Ханг разыскала его, оказалось, что он абсолютно здоров. Более того, его учеба – фикция. На самом деле, он в погоне за лишними рублями работал прислугой – ходил за продуктами, готовил, убирался – в одном вьетнамском студенческом общежитии. А вызвал дядя племянницу в Москву для того, чтобы она помогла ему отправить на родину контейнер с купленными вещами. Он плохо знал русский язык и к тому же был жаден, поэтому и надеялся на ее помощь.

Один из аспирантов, пожалев Ханг, посоветовал ей побыстрее уехать, откупившись от дяди деньгами, которые сам ей и дал. Но когда Ханг вернулась в свой городок, ее ждала еще одна телеграмма, на этот раз из Вьетнама. При смерти была тетя Там, и героиня поспешно выехала на родину.

Перед смертью тетя завещала все, что она имела в родной деревне, племяннице и просила ее остаться жить в доме предков, что так важно для вьетнамцев. Но после похорон Ханг поняла, что жить в деревне не сможет:

«Я попрошу у духа тетушки разрешить мне продать дом. Я должна уехать. Воля умерших подобна похоронному венку на могиле. Нельзя тратить жизнь из-за увядших цветов и ошибок прошлого, нужно смотреть в будущее...» (284). На этом и кончается роман.

Как видно, в романе Зыонг Тху Хыонг два основных объекта критики. Первый – это аграрная реформа, которая описывается только с одной, отрицательной стороны, поскольку проведение ее сопровождалось несправедливостью, перегибами, неоправданной жестокостью и многочисленными жертвами. Вторым же объектом критики является дядя Тинь, виновник бед двух семей. Именно он олицетворяет собой те силы, по указке которых вершилась вьетнамская история после завершения войны за независимость. Образ дяди рисуется писательницей как однозначно отрицательный, без единой черточки, могущей вызвать у читателя хоть какую-нибудь симпатию. При этом очевидно, что дядя – образ собирательный. Писательница обвиняет его и ему подобных, таких, как жена дяди и некоторые другие, партийных руководителей, представителей коммунистической партии. В романе эти люди, как правило, недалекие и малообразованные, после войны, именно благодаря участию в правом деле – войне против французских колонизаторов за независимость родины, оказались в первых рядах строителей новой социалистической жизни, но на самом деле они ничего не смыслили в том, за что они взялись, а просто слепо копировали опыт Советского Союза и повторяли расхожие пропагандистские клише из азов марксизма-ленинизма. В романе один из героев говорит о них:

«Они отдавали жизни, чтобы построить рай на земле, но из-за своей недалекости не смогли понять, что это за рай и какая дорога ведет к нему» (245).

Иными словами, они пытались построить тот самый «туманный рай», который вынесен в название романа.

Более того, часто это были люди наиболее аморальные, способные ради карьеры или выгоды переступить через любые нравственные нормы. Например, когда между матерью героини и дядей Тинем заходит разговор на святую для каждого вьетнамца тему – о соблюдении траурных обычаев, касающихся умерших родителей, а исполнять ритуал, по традиции, должен именно сын, дядя говорит:

«Ну и странные вещи ты, сестра говоришь, наше время – время материализма, никто о таких пустяках, как ты, больше не думает. Умерли и дело с концом...» (45).

Или, скажем, случай с юбилеем крупнейшего вьетнамского поэта-патриота XIX в. Нгуен Динь Тиеу, или До Тиеу, который умер, не вынеся очередного поражения императорских войск от французских захватчиков. Подчиненные дяди задумали организовать торжественное мероприятие, связанное с именем поэта (кстати, сказать, ошибочно отнеся его к началу XX в.), приурочив его к приезду в Ханой делегации южновьетнамских профсоюзов. Как оказалось, дядя не только не знал про такого поэта, но, прочитав

его стихи, посчитал празднование юбилея политической ошибкой под тем предлогом, что стихи его «пораженческие». Между дядей и его подчиненным произошел следующий разговор:

Дядя Тинь:

«Дазнаюя, знаю... но борец за дело революции ни при каких условиях не имеет права на поражение и тоску. У этого До Тиеу не было стойкости духа, подобающей революционеру. <...> А вот эта фраза еще опаснее. Говоря об императорской династии, он что, намекает на Центральный комитет?».

Дядин собеседник:

«Но в нашей войне против Америки многие бойцы шли на бой со стихами До Тиеу или под звуки южновьетнамских песен, написанных на его стихи. Все признают, что этот поэт занимает свое, незаменимое место в душах народа Южного Вьетнама».

Дядя Тинь:

«Незаменимое место? Ты хочешь сказать, что в сердцах народа Южного Вьетнама он стоит выше Партии? <...> Авторитет Партии в нашем народе абсолютен, как сейчас, так и впредь. Никто не может сравниться с ней. <...> Партия привела наш народ к великой победе. Благодаря ей мы стали совестью всего человечества, факелом, который освещает народам всего мира путь в национально-освободительной борьбе. Именно мы – знамя в трех потоках мировой революции. <...> А наша задача, задача работников идеологического фронта, армии, которая стоит на страже оплота революции, быть бдительными перед всякими проявлениями поражения, деморализации и упадка...» (125–126).

Последовавший далее разговор еще ярче демонстрирует невежество дяди, который не знает даже такого известнейшего памятника вьетнамской историографии XV в., как *Дай Вьет шы ки тоан тхы*, и имени выдающегося вьетнамского ученого-энциклопедиста Ле Кюи Дона (1726–1784).

А вот что говорится о жене дяди Тиня в связи с родителями подруги Ханг, которые, будучи вузовскими преподавателями, были переведены на работу в Высшую школу профсоюзов:

«Им пришлось работать под ее руководством, так как она была членом партии со стажем. И восемь лет они терпели ее притеснения. Сами они были людьми образованными, с большим чувством собственного достоинства и им было очень трудно выносить человека невежественного, да еще и высокомерного. Комплекс собственной неполноценности тетя компенсировала произволом, доведенным до абсурда. Возможно, потому что она окончила всего две ступени в рабоче-крестьянской школе, а должна была отвечать за всю программу по философии...» (182).

Правда, последнее не помешало ей хвастливо сказать племяннице:

«Я уже изучила весь Марксизм-Ленинизм» (182).

Наиболее «концентрированное» обвинение в адрес подобных дяде и его жене звучит в словах молодого аспиранта, на которого дядя работал в общежитии. Когда дядя начал критиковать современную молодежь за испорченность, за любовь к танцам, мол, *«В наше время никому не нравилась такая развращающая музыка» (228)*, аспирант рассказал про одного своего соседа, некоего заместителя директора, то есть члена партии, человека с положением, приблизительно дядиною возраста:

«Он слыл серьезным человеком. Рта не мог открыть, чтобы не проповедовать. Голова его была забита только высоким: тут тебе и революционный дух, и уровень сознательности, и интернациональный долг, и долг гражданина...» (228).

Но этот образцовый гражданин и семьянин – отец двух дочерей – однажды был пойман при попытке изнасиловать ненормальную соседскую девочку 14-ти лет. Поведав про этот случай, аспирант сказал дяде:

«Этот старый насильник никогда не ходил на танцы. И наверняка учил рабочих на своем предприятии, что танцевать – это упадничество, что его поколение никогда подобным непристойным образом не развлекалось, что он живет только для того, чтобы до последнего вздоха служить революции. <...> У вас много общего с этим мерзавцем и ему подобными. <...> Именно такие, как он или вы, приказывали преследовать нас на улицах, обрезать широкие брючины или узкие, потому что вы такие не носили. Качества человека вы измеряли по ширине его брюк. Если вы носили брюки шириной 23 см, то и мы, восемнадцать миллионов молодых ребят, тоже должны были следовать вашему примеру. Чуть уже или чуть шире, значит, антипартийно, значит, предательство родины. <...> Только постепенно я понял, что люди, имевшие над нами власть, как тот замдиректора, на самом деле не страшные и возвышенные, как мы себе представляли. Они просто талантливые притворщики. Они понавыдумывали для других множество строгих законов, но сами под покровом ночи эти законы обходили, вели жизнь грязную, безнравственную» (229–231).

По словам молодого человека, такие люди озабочены только своей карьерой, личной выгодой:

«Эти высоко благородные люди, хитростью изничтожая своих противников, с помощью подхалимажа и низкопоклонства, в конце концов, добиваются-таки своей цели, получают властное и денежное местечко» (231).

Таким образом, поставив в центр романа земельную реформу и допущенные в ходе ее проведения ошибки, Зыонг Тху Хыонг критикует на самом деле курс коммунистической партии, а изображая в отрицательном свете дядю и его жену, критикует коммунистическую партию вообще, весь этот, так сказать, передовой отряд вьетнамского общества, в конце концов, приведший страну к ситуации, которая и вызвала к жизни политику обновления. Это, пожалуй, наиболее острая критика в адрес КПВ, прозвучавшая в эти годы в художественной литературе, несмотря на которую роман «Туманный рай» все-таки был напечатан. Объяснить факт публикации этого произведения, по-видимому, можно только тем, что в 1988 г. пик «обновленческой критики» еще не прошел – как известно, отбой ей был дан в речи Генсека КПВ Нгуен Ван Линя в 1989 г. – и цензура роман пропустила.

Тема аграрной реформы и дальнейших социалистических преобразований в сельском хозяйстве под таким же углом зрения продолжала возникать в художественной литературе и далее. Но наиболее острые произведения на эту тему уже имели более трудную судьбу: их или долго придерживали, или запрещали сразу после публикации в стране, или они выходили за рубежом.

Так, роман-воспоминание известнейшего «официального» вьетнамского писателя То Хоая (1920–2014) «Трое других» (Ba người khác, 2006), написанный еще в 1992 г., увидел свет лишь в 2006 г. и, по всей видимости, был пропущен только потому, что автором его являлся писатель, считающийся «национальным достоянием».

Основное действие романа «Трое других» происходит в районе Хайфона. Повествование ведется, в основном, от первого лица. Главный герой – мелкий служащий, бухгалтер-самоучка по имени Бой – вынужден отправиться в одну общину в составе отряда по проведению земельной реформы. В задачу отряда входит выявлять деревенских богачей, отбирать у них землю и имущество и делить между беднотой. Для этого членам отряда, распределенным по разным деревням, надо найти, так называемые, «корневые элементы» из беднейших крестьян, чтобы именно на них опираться.

В романе описываются все этапы реформы – от поиска «корневых элементов» до «исправления ошибок».

Главный герой романа подается как трусливый и циничный приспособленец, плывущий по течению. На момент описываемых событий он даже не член коммунистической партии, так как его исключили из нее за воровство, но он это скрыл. Таковы и командир его отряда Кы, и другой член отряда Динь, изображенные как карьеристы и пройдохи, думающие только о том, чтобы вкусно поесть и погулять с женщинами. А лозунгами революции и земельной реформы они лишь прикрываются.

Деревенский люд описан в романе как жадное стадо, желающее получить кусок земли получше и добра богачеев побольше, а девушки-активистки из «корневых элементов» – как распутницы, гуляющие со всеми подряд.

В 2008 г. в Ханое вышел роман Хоанг Минь Тьонга (Hoàng Minh Tường, род. в 1948 г.) «Время святых» (“Thời của Thánh thần), однако вскоре он был запрещен, а его тираж конфискован. Судьба главы рода, помещика и врача Нгуен Ки Фука, несмотря на заслуги перед национально-освободительной революцией трагически погибшего во время аграрной реформы, его трех родных сыновей: Кхоя, Ви и Вонга, а также его приемного сына Кука, в обобщенном виде отражают жизнь вьетнамского народа, разных его групп, в последние 50 лет XX в. Именно приемный сын Кук олицетворяет собой в романе безмолвное и бесправное крестьянство, жизнь которого несмотря на вроде бы успешно проведенные под руководством коммунистической партии аграрную реформу и последовавшую за ней коллективизацию, низведена до прозябания.

В 2010 г., переправленный за границу, в США увидел свет роман автора, скрывающегося под псевдонимом Чан Тхе Нян (Trần Thế Nhân), «Дни и ночи, которые потрясли небо и землю» (Ngày long Trời đêm lở đất). Роман полностью посвящен земельной реформе, проведенной в Северном Вьетнаме, а именно в провинции Тханьхоа, вьетнамскими коммунистическими властями в период 1953–1956 гг., и тем ужасам и преступлениям перед народом, которые эту реформу сопровождали.

Все эти произведения написаны одинаково откровенно. Но, например, в романе То Хоая нет прямых нападок на коммунистическую партию, марксизм-ленинизм или Хо Ши Мина. В романе же Чан Тхе Няна прямо названы «виновники» жертв аграрной реформы и шире – новой власти: вьетнамские коммунисты во главе с Хо Ши Мином, Советский Союз во главе со Сталиным, Ждановым, Маленковым и коммунистический Китай во главе с Мао Цзе Дуном. Возможно, эти произведения и им подобная литература излишне односторонни, поскольку представляют другую, альтернативную и ранее фактически не освещавшуюся сторону социалистических преобразований во вьетнамской деревне и как бы сфокусированы только на плохом. Однако правда многолика, и все это способствует более объективным оценкам недавнего исторического прошлого страны.